

УДК 8(47)82

ЧЕЛОВЕК, ЛЮБОВЬ, ПРИРОДА В ТВОРЧЕСТВЕ С.А. ЕСЕНИНА И М.А. ШОЛОХОВА

© 2011 О.С. Григорова

Липецкий государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 21 мая 2010

Аннотация: В статье подчёркивается тесная связь любовного чувства и природы в творчестве С.А. Есенина и М.А. Шолохова. Автор отмечает близость двух художников в осмыслении этого вечного вопроса человеческого бытия и выделяет несколько типов отношений между мужчиной и женщиной, которым соответствуют определённые образно-символические ассоциации.

Ключевые слова: образ, пейзаж, мотив, С. Есенин, М. Шолохов.

Abstract: In article the close connection of love feeling and the nature in S.A. Yessenin and M.A. Sholokhov's creativity is underlined. The author marks affinity of two artists in judgement of this "eternal" question of human life and allocates some types of relations between the man and the woman to which there correspond certain is figurative-symbolical associations.

Key words: image, landscape, motive, S. Yessenin, M. Sholokhov.

В творчестве С.А. Есенина и М.А. Шолохова жизнь человека и бытие природы неотделимы друг от друга. Это чувство глубинного родства, или, по выражению С. Есенина, «узловой завязи» природы и человека, восходит к народному миропониманию, в котором человек всегда мыслился как часть единой живой Природы. Причастность человека природе особенно остро ощущается в такие важные моменты жизни, как рождение, любовь и смерть. Любовь и природа тесно связаны в творчестве этих великих художников слова.

В народнопоэтической традиции расцвет любовного чувства часто соотносится с весенним пробуждением природы, а разлука, угасание чувств — с осенним увяданием. Такое соотношение характерно для ранней лирики С. Есенина, в которой первое юношеское чувство изображается в гармоническом единении с весенней природой:

Сыплет черёмуха снегом,
Зелень в цвету и росе.
В поле, склоняясь к побегам,
Ходят грачи в полосе.
.....
Радугой тайные вести
Светятся в душу мою.
Думаю я о невесте,
Только о ней лишь пою [1, 38].

При этом зачастую сама природа приобретает женственный облик: «Рас-поясала зарница // В пенных струях поясок», «Улыбнулись сонные берёзки, // Растрепали шёлковые косы» и т.п. [1, 39; 52].

Этот приём используется М. Шолоховым в «Донских рассказах», где в яркой весенней степной природе тоже проявляется женственное начало, а её изображение соотносится с любовными переживаниями героев. Например, в рассказе «Кривая стёжка» роковая любовь Васьки, окончившаяся убийством любимой женщины, ассоциируется с разлитой в природе нежностью: туман «по-бабы кутал курившиеся паром копны», небо «цвело шиповником, и крутые вздыбленные облака казались увядшими лепестками» [2, 237]. В рассказе «Двухмужняя» зарождение чувств Анны находит отражение в образе весны: «Сады обневестились, зацвели цветом молочно-розовым, пьяным», «ночами хмельными — лягушачьи хороводы, гусиный шепот любовный да туман от воды» [2, 253; 254]. Но не успевшее расцвести и окрепнуть чувство Васьки преломляется в осеннем пейзаже: «В предосенней дрёме замирала непаханая земля. Луга цветисто зеленели отавой, но блеск их был обманчив, как румянец на щеках изъеденного чахоткой» [2, 239]. Испытания, которые ждут героиню рассказа «Двухмужняя», тоже передаются через смену времён года: «Короткой

зарницей мелькнуло лето... Осень ссутулилась возле коллективных ворот» [2, 263].

В стихотворении С. Есенина «Не бродить, не мять в кустах багряных...» тема разлуки с любимой раскрывается с помощью образов осени и вечера: кусты «багряные», «сноп волос овсяных», «зёрна глаз твоих осыпались, завяли», «шепчет синий вечер» [1, 115].

В народной культуре в отношениях между мужчиной и женщиной на первый план выходит духовное начало, подчиняющее плотское, чувственное. Любовь понимается как высшее благо, данное Богом, тогда как страсть всегда связана с понятием греха. В художественном осмыслении этого вечного вопроса человеческого бытия С. Есенин и М. Шолохов оказываются близки народному пониманию любви.

Женщина изначально была создана помощницей, в ней как венце Творения явилась вся его красота и гармония. Такой предстаёт перед нами возлюбленная С. Есенина в цикле стихотворений «Любовь хулигана», посвящённых актрисе Камерного театра Августе Миклашевской. По словам исследователя А.В. Гулина, это «проникновенные тёплые или сумрачно безнадежные, всегда таинственные стихи», в которых у поэта впервые появляется «единственно сущая любовь: неземная, вечная. Та, что ищет и находит присутствие Творца во всём мироздании» [3, 16].

Красота любимой женщины сравнивается с красотой осенней природы:

Это золото осеннее,
Эта прядь волос белесых —
Всё явилось, как спасенье
Беспокойного повесы [1, 199].

Образ лирической героини необыкновенно хрупкий и трепетный: «глаз зла-то-карий омут», «поступь нежная, лёгкий стан», «тонкая» рука, волосы «цветом в осень», «кроткий взгляд». Он весь пронизан светом и ассоциируется у поэта с иконным ликом: «Твой иконный и строгий лик // По часовням висел в рязанах» [1, 197].

Чувство между поэтом и лирической героиней рождает «слова... кротких песен», наполняет душу нежностью. Метафорическим образом этого чувства является «пожар», который «заметался» в сердце поэта. Эпитет «голубой» подчёркивает его чистоту, открытость, искренность.

В отношениях есенинских героев нет всепоглощающей страсти, это любовь возвышенная, одухотворённая, дарующая, а не вожделеющая. Неслучайно она не опьяняет, а отрезвляет его: «Уж сердце напилось иной, // Кровь отрезвляюще брагой» [1, 197].

Любовь возвышенная, одухотворённая воплощена в образе Натальи в «Тихом Доне» М. Шолохова. Ей, как и лирической героине С. Есе-

нина, свойственна сдержанность в проявлении чувств, поэтому образам этих женщин сопутствует мотив холода. «Знаешь ты одинокий рассвет, // Знаешь холод осени синий», «Ты прохладой меня не мучай» [1, 197, 200], — обращается поэт к своей возлюбленной. А Григорий Мелехов вскоре после свадьбы скажет Наталье: «Дюже леденистая ты» (I, с. 117) [4]. Но истинное величие чувства между мужчиной и женщиной не в пылкой страстности, а в духовной близости двух людей. Когда плотское, чувственное начало подчиняется духовному, отношения преображаются. Возлюбленная воспринимается как сестра и друг:

Прозрачно я смотрю вокруг
И вижу, там ли, здесь ли, где-то ль,
Что ты одна, сестра и друг,
Могла быть спутницей поэта [1, 197].

Любовь очищает, исцеляет душу поэта, наполняет жизнь смыслом, помогает обрести согласие с самим собой и окружающим миром. Хулиган и скандалист, бесцельно прожигавший жизнь: «Был я весь — как запущенный сад, // Был на женщин и зелие падкий», «В городской и горькой славе // Я хотел прожить пропащим» [1, 196; 199], — приходит к прощению и примирению:

Теперь со многим я мирюсь
Без принужденья, без утраты.
Иною кажется мне Русь,
Иными кладбища и хаты [1, 197].

И лирическая героиня С. Есенина, и шолоховская Наталья излучают свет любви, который оказывает особое воздействие на окружающих людей. Эти женщины способны вытащить любимого мужчину из духовного «омута», приобщить к высшему, духовно-нравственному началу.

Наталья своей любовью «воспитывает» Григория Мелехова. Не заметив и не поняв поначалу особого сияния этой женщины, со временем он всё же проникается её чистотой и особой внутренней красотой, которая не может не восхищать. В эпизоде последней встречи Натальи и Григория писатель запечатлел момент полного слияния душ двух любящих людей: «Она была рядом с ним, его жена и мать Мишатки и Полюшки. Для него она принарядилась и вымыла лицо. Торопливо накинув платок, чтобы не было видно, как безобразна стала её голова после болезни, слегка склонив голову набок, сидела она такая жалкая, некрасивая и всё же прекрасная, сияющая какой-то чистой внутренней красотой. Она всегда носила высокие воротнички, чтобы скрыть от него шрам, некогда обезобразивший её шею. Всё это из-за него... Могучая волна нежности залила сердце Григория. Он хотел сказать ей что-то тёплое, ласковое, но не нашёл слов и, молча притянув её к себе, поцеловал белый покатый лоб и скорбные глаза. <...> Потрясённая этим проявлением чувства со

стороны мужа и вся вспыхнувшая от волнения, она взяла его руку, поднесла к губам. <...> Почему у неё такие печальные глаза? И ещё что-то тайное, неуловимое то появлялось, то исчезало в них. Она и в радости была грустна и как-то непонятна...» (IV, с. 62-63).

На наш взгляд, этот эпизод перекликается со стихотворением С. Есенина «Дорогая, сядем рядом...», в котором дана кульминация чувств героев, они осознают себя единым целым, открывают друг другу душу:

Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.
Я хочу под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу [1, 199].

Любовь у С. Есенина становится одним из «чудных мгновений» жизни. Она как лучик редкого осеннего солнца осветила душу лирического героя, согрела своим теплом и «растворилась» в природе. Уже в середине цикла появляются грустные «нотки», которые подготавливают читателя к тому, что любовь окончится. «Золото осеннее» постепенно превращается в «ивовую медь», «жёлтый тлен и сырость». Поэт, совсем недавно признавшийся: «По смешному я сердцем влип» [1, 197], — теперь с иронией замечает: «Знаю, чувство моё перезрело, // А твоё не сумеет расцвести» [1, 200].

У М. Шолохова отношения Натальи и Григория получают более глубокое осмысление. Наталья — не просто возлюбленная, она жена и мать. Именно в супружестве и материнстве, как отмечает Н. Фёдь, М. Шолохов видит высшее призвание женщины [5, 105]. Любовь Натальи, освящённая благодатью Божией в Таинстве венчания, становится жертвенным служением, подвигом, всю высоту и красоту которого сумел передать писатель. «Светлая тайна брака состоит в воплощении духа любви в дела любви» [6]. Такая любовь становится поистине благодатной, способной простить всякую обиду и покрыть всякую вину, пробудить лучшие качества в душе избранника. Так, Наталья, несмотря на связь Григория с Аксиньей, строит семейное гнездо, продолжая надеяться, верить и ждать своего беспутного мужа. И её вера вознаграждается — Григорий возвращается домой.

После рождения детей Наталья, как пишет Шолохов, «расцвела и похорошела диковинно» (II, с. 245). Лучшие стороны её натуры раскрываются со всей полнотой. Во всём её облике и окружающей природе появляется особая теплота, «пронизывающая лучистость» (С. Семёнова).

Но Григорий своей очередной изменой с Аксиньей разрушает всё, что так долго и самоотверженно строила Наталья. «Перед нами, — как пишет Л.Г. Сатарова, — трагедия обманутой любви, обманутой совести» [7, 236].

И всё же шолоховская героиня своей благо-

датной любовью к мужу, который причинил ей столько зла, своим прощением и примирением с ним перед смертью заставляет его задуматься о своей жизни: «...со слов Ильиничны, он знал, что Наталья простила ему всё, что она любила и вспоминала о нём до последней минуты. Это увеличивало его страдания, отягчало совесть немолкнушим укором, заставляло по-новому осмысливать прошлое и своё поведение в нём» (IV, с. 157). Наталья, по словам Л.Г. Сатаровой, «не только смогла победить зло добром, но и осветить мужу его последнюю дорогу к дому, определить его заключительный духовно-нравственный выбор» [7, 237].

Подлинная любовь, понимаемая как способность отдавать себя, жертвовать собой ради счастья другого, противопоставлена в творчестве С. Есенина и М. Шолохова страсти, всегда связанной с желанием обладания другим ради собственного счастья. Современный исследователь пишет: «Женщина может идти и звать к неисследимой высоте, но она может вовлекаться и увлекать в невозвратимую бездну» [6].

Отношения между мужчиной и женщиной, основанные на страстном влечении, подобны природным стихиям, в которых «растворяются» героиня повести С. Есенина «Яр» Лимпиада и шолоховская Аксинья. С. Семёнова отмечает амбивалентность этой страсти: она одновременно и губящая, и вздымающая, уходящая своими корнями в природные бездны [8, 144]. Отношения Григория и Аксиньи зарождаются во время рыбалки. Разбушевавшаяся стихия подобна всепоглощающей страсти героев: «К вечеру собиралась гроза. Над хутором стала бурая туча <...> Туча дышала холодком, шла вдоль по Дону, с запада. За займищем чернело небо» (I, с. 22). Дон, «вздохмаченный, кидающий на берег белогребнистые частые волны», становится, по словам Т.В. Акиншиной, «гениально найденной метафорой грозового накала страстей» [9, 153].

Страстность свойственна и есенинской героине Лимпиаде: «Когда он (Карев) появлялся, сердце её замирало, а горячая кровь пенилась» [1, 375].

Отношения есенинских и шолоховских героев развиваются в естественных условиях, на лоне природы: Лимпиада «могла всю жизнь, как ей казалось, лежать в траве, смотреть в небо и слушать обжигающие любовные слова Карева» [1, 397].

Изображению любви-страсти у С. Есенина и М. Шолохова соответствуют сходные образно-символические ассоциации. Любовь выражается с помощью образов солнца и огня, что, по мнению Н.М. Муравьёвой, свидетельствует об исключительности и безоглядности чувств героев [10, 153]. Так, образ солнца сопутствует есенинской

героине: в её глазах «плескалось солнце», во время их свидания с Каревым «солнце плескалось в синеве, как в озере, и рассыпало огненные перья», «тучи прорванно свисли над верхушками елей, и голубые просветы бражно запенились солнцем» [3, 379; 385]. Мотив огня (жара), тепла и солнца постоянно сопутствует Аксинье: во время первого сближения в степи она «полюхает жаром», на гордом её лице словно «выжжено» тавро, страсть, охватившая героев, характеризуется как «бесстыдное полымя».

Символическим для обеих героинь является также образ цветка — ландыша (Аксинья) и черёмухи (Лимпида), — который свидетельствует о красоте и гармонии, но одновременно и скоротечности жизни.

Природа не только разделяет чувства героев, крепит их неразрывной связью, она вместе с тем предупреждает о губительных последствиях бессознательных, стихийных порывов. В романе М. Шолохова и повести С. Есенина есть похожие эпизоды, связанные со случайным убийством птицы, которое становится трагическим знаком для обеих героинь.

Так, на глазах Лимпиды кошка задушила голубя: «Лимпида взяла голубя и, положив на ладони, стала дуть в его окровавленный клюв» [1, 398]. В повести сама Лимпида сравнивается с голубем: «в глазах её словно голуби пролетали» [1, 375], Филипп называет Лимпиду и Карева воркующими голубями. Таким образом, убитый голубь становится символом трагической судьбы героини.

В «Тихом Доне» во время покоса Григорий, поглощённый мыслями об Аксинье («полузакрыв глаза, мысленно целовал её, говорил ей откуда-то набредавшие на язык горячие и ласковые слова...» — I, с. 41), случайно убивает утёнка. Согласно народным поверьям, убить птенца в такие дни, как Троица или Петров день, является не просто плохой приметой, а большим грехом. Добываясь Аксиньи «с бугайной настойчивостью», Григорий губит не только свою, но и чужую душу. Эта мысль далее закрепляется авторским сравнением: «Рывком кинул её Григорий на руки — так кидает волк к себе на хребтину зарезанную овцу...» (I, с. 44).

Однако, при всей схожести характеров Лимпиды и Аксиньи, между ними есть очень важное различие. Если жизнь Аксиньи, несмотря ни на что, вся сосредоточена в одном человеке — Григории («Снова мир умирал для неё, когда Григорий отсутствовал, и возрождался заново, когда он был около неё» — III, с. 364), то Лимпида одинаково сильно любит и родной яр, и Карева. Она с детства жила в лесу, и, как пишет автор, «не помнила, где была её родина, и не знала её. Ей близок был

лес, она и жила с ним» [1, 368]. Жизни в другом месте она себе не представляет и даже предпочтёт умереть, но не покинет его. Два раза она говорит: «Лучше я повешусь на ветках берёзы, чем уйду с яра», «Лучше сгореть с этим бором, чем уйти от него» [1, 369; 409]. Полюбив Карева, героиня оказалась перед неизбежным выбором: уйти с ним, то есть, как она думала, «растерять всё и расплескать, что она таила в себе с колыбели» [1, 397], или остаться в лесу. Но этот выбор она сделать не смогла. Запутавшись в собственных чувствах, Лимпида убивает себя и ребёнка, которого носила под сердцем. Так слепое подчинение природе завело есенинскую героиню в тупик.

Напротив, Аксинья со временем становится мудрее. Страдания очищают её душу. Как пишет Н. Фёдь, пройдя испытание суровой жизнью, героиня поняла цену настоящего чувства [5, 106]. Гордое, своевольное начало ус-тупает место мягкости, душевности. В ней, по словам С. Семёновой, открываются «новые, душевно-сердечные, нереализованные материнские стороны её природы» [8, 155]. Она уже не хочет «владеть» Григорием во что бы то ни стало — тревога за судьбу любимого становится выше личных желаний. «Жив будет он, оборонит его от смерти Царица Небесная, вернётся — сам выберет», — говорит она Наталье (IV, с. 136). В финале романа Аксинья приходит к пониманию того, что счастье — это не всепоглощающая, испепеляющая душу страсть, а способность дарить своё тепло другому.

В творчестве С. Есенина и М. Шолохова есть совершенно противоположный тип отношений между мужчиной и женщиной, в которых «тёмная тайна — тайна извращённого духа и плоти — пришла на место тайны светлой, Божественной» [6]. В цикле С. Есенина «Стихи скандалиста» в отношении к женщине преобладает плотское чувство, приносящее лирическому герою не радость и счастье, а страдание и гибель: «Я искал в этой женщине счастья, // А нечаянно гибель нашёл» [1, 190]. Разрушается духовная природа образа женщины, в ней на первый план выходит лукавое, бесовское начало. Красота её греховная, порочная:

Излюбили тебя, измызгали —
Невтерпёж.

Что ж ты смотришь так синими брызгами,
Иль в морду хошь?

Любовь к ней — отравы для души и тела: «Я не знал, что любовь — зараза, // Я не знал, что любовь — чума» [3, 197]. Характерно, что в этом цикле у Есенина почти нет пейзажей. Их «осколки» — «скелеты домов», «продрогший фонарь», «московские изогнутые улицы». Всё это противоположно нежности, поэтичности, которые всегда звучали в стихах С. Есенина о любви.

Можно соотнести образ лирической героини этого цикла С. Есенина и образ Дарьи Мелеховой в «Тихом Доне». Эти женщины подчиняются своим низменным инстинктам, которые приводят к гибели. Писатель сравнивает Дарью с природной беленой, что подчёркивает «скверну», нечистоту её характера. Она сама признаётся, что ей никогда не приходилось любить по-настоящему: «Любила по-собачьему, кое-как, как приходилось...» (IV, с. 120).

Таким образом, любовное чувство и пейзажи в творчестве С. Есенина и М. Шолохова раскрывают ядро человеческого характера, способствуют углублению психологизма, символизируют разные типы отношений между мужчиной и женщиной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есенин С.А. Стихотворения. Поэмы. Проза / С.А. Есенин. — М. : АСТ-ПРЕСС, 2001. — 480 с.: ил. — («Золотая библиотека»).
2. Шолохов М.А. Донские рассказы / М.А. Шолохов. — М. : Худ. лит., 1987. — 464 с.
3. Гулин А.В. «В сердце светит Русь...»: Духовный путь Сергея Есенина / А.В. Гулин // Литература в школе. — 2001. — № 6. — С. 16 19.
4. Шолохов М.А. Тихий Дон. Роман в

четырёх книгах / М.А. Шолохов. — Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1984 (ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы).

5. Фёдь Н.М. Парадокс гения: Жизнь и сочинения Шолохова / Н.М. Фёдь. — М. : Современный писатель, 1998. — 408 с.

6. Сокурова О.Б. Нетленная красота / О.Б. Сокурова [электронный ресурс] // Слово. Православный образовательный портал. <<http://www.portal-slovo.ru>> (дата обращения 25.04.2010).

7. Сатарова Л.Г. Любовно-семейные коллизии в романе М.А. Шолохова «Тихий Дон» / Л.Г. Сатарова // Семья — малая церковь: Материалы IV Задонских Свято-Тихоновских образовательных чтений. (5 6 декабря 2008 г.; г. Липецк — Задонск). — Липецк, 2009. — 328 с. — С. 231 237.

8. Семёнова С.Г. Мир прозы Михаила Шолохова. От поэтики к миропониманию / С.Г. Семёнова. — М. : ИМЛИ РАН, 2005. — 352 с.

9. Акиньшина Т.В. Образ-символ Дона в воплощении судеб главных героев романа М. Шолохова «Тихий Дон» / Т.В. Акиньшина // Вестник ТГУ. — Тамбов, 2007. — вып. 7 (51). — С. 151 155.

10. Муравьёва Н.М. Проза М.А. Шолохова: онтология, эпическая стратегия характеров, поэтика: монография / Н.М. Муравьёва. — Борисоглебск : БГПИ, 2007. — 378 с.

Григорова О.С.
Липецкий государственный педагогический университет. Аспирант кафедры литературы.
E-mail: kamsabkar@rambler.ru

Grigороva O.S.
Lipetsk state pedagogical university.
Post-graduate student, chair of Literature.